

Всем потерянным посвящается

*Париж, Франция
Осень 1962 года*

Влажный ночной воздух бился об уличные фонари, высекая крохотные искорки, словно кремень. Споткнувшись в очередной раз, Эби Пим засмеялась и взяла Джорджа под руку. Тротуар был неровным, всюду торчали толстые корни давно спиленных лип. Однако Джордж шагал уверенно — выручали ботинки на плоской подошве; на Эби же были туфельки на каблуках, и ей приходилось балансировать. Цок-цок, пауза — Эби пошатнулась, будто была пьяна или танцевала под сумбурную музыку.

Джордж наклонился и прошептал ей на ушко, что любит ее и она этим вечером удивительно красива. Эби улыбнулась и уткнулась носиком ему в плечо. Им было так легко друг с другом. И чем больше времени они проводили вдвоем, тем меньше хотелось домой. Они слали родственникам открытки с коротенькими посланиями — всего несколько слов, Джордж регулярно отправлял домой

контейнеры с экстравагантной мебелью и антиквариатом, но о возвращении речи не шло.

Париж, с его темными, запутанными улочками, — лучшее место для того, чтобы затеряться и исчезнуть. Первую неделю медового месяца Джордж и Эби часами могли бродить, блуждая в волнах тумана, выныривая на очередном незнакомом перекрестке или в переулке, натываясь на бродячих кошек, которые нередко выводили их к теплоте кафе или ресторанчику, если, конечно, были благодушно настроены, насытившись какой-нибудь канализационной крысой. Нередко Джордж и Эби приходили в гостиницу на рассвете, крепко засыпали в объятиях друг друга и вставали только после полудня. Джордж приплачивал младшему сыну хозяина, чтобы тот ближе к вечеру приносил им в номер кофе и пирожки с сыром и шпинатом. Они с удовольствием ели в постели, укрывшись смятыми простынями, любуясь закатом и обсуждая, куда отправятся в сумерках. Прогулка по темному городу напоминала игру в прятки.

Нынче вечером они бродили по улицам, нарочно стараясь заблудиться. Но увы, ничего не получалось. За четыре месяца они успели исходить Париж вдоль и поперек и даже в темноте узнавали некоторые места по слабому запаху гари, который так и не выветрился с войны. А гуляя по набережным, они по оттенку воды определяли, где находятся... За ужином, состоявшим из одних гри-

бов — просто потому, что так захотелось, — они все еще не могли начать разговор о возвращении домой. Вместо этого Джордж вспомнил о молодой парочке из Амстердама, с которой они познакомились на днях.

— Амстердам, должно быть, хороший город, — произнес он.

Эби улыбнулась, догадавшись, куда клонит муж.

— Да, очень хороший.

— Может, стоит съездить?

— И потеряться там, — сказала Эби.

— Отличная идея!

Джордж перегнулся через стол и поцеловал ей руку.

Так что родным Эби пришлось ждать ее возвращения дольше, чем предполагалось, и письма из дома становились все более озабоченными и настойчивыми. «Это просто неприлично, — писала ее мать, — так надолго уезжать в свадебное путешествие. Вы собирались провести за границей всего две недели! Мы с твоей сестрой устали за тебя извиняться. Немедленно возвращайтесь в Атланту. Пора и честь знать».

На обратном пути в гостиницу они набрали на ресторанчик — еще издали ноздри защекотал аппетитный запах жареных колбасок. Звякнул колокольчик над дверью, и желтоватый свет, струящийся изнутри, разлился в густом тумане, как мас-

ло. Услышав голоса, молодожены остановились. Из ресторана вышли мужчина и женщина, они о чем-то шептались и смеялись. Затем смех затих во мраке очарованной ночи, скрывающей влюбленных в темноте дверных ниш, невидимых для посторонних глаз. Парочки умели таиться, и, проходя мимо, не заподозришь даже, что рядом занимаются любовью, пока тебя не окутает жаркое облако страсти. Бывало, Эби с Джорджем тоже не могли устоять перед соблазном. В первый вечер в Париже, когда Джордж взял ее за руку и повел под пешеходный мост, она поначалу сопротивлялась, но муж прижал ее спиной к влажным камням и стал целовать, поднимая ее юбку. И Эби поняла, что значит полная свобода. «Это же я, — думала она. — Это я, настоящая, живая». «C'est moi», — шептала она снова и снова.

Так оно и было. Она сама пошла на это и была абсолютно счастлива. Она выбрала Джорджа вовсе не для того, чтобы помочь семье. Надо признать, деньги как вода утекали сквозь пальцы ее родственников. Эти люди были неспособны удержать их в руках. Поколения женщин из семьи Моррис всеми силами пытались окрутить какого-нибудь толстосума. Большие надежды возлагались на Мэрили, сестру Эби. Богачи любят жениться на красотках, и Мэрили была уверена, что подцепит кого-нибудь на крючок. Блестящие, как белая кроличья шубка, волосы и пылающие зеленые глаза — мужчины

всегда клюют на это, летят, словно мотыльки на огонь. Но однажды Мэрили увидела заправщика на бензоколонке — и пропала. И каково было всеобщее удивление, когда Эби — высокая, всегда сдержанная девушка с неправильными чертами лица, единственное достоинство которой заключалось в том, что она перечитала все до единой книжки в школьной библиотеке, — именно Эби вышла замуж за обеспеченного человека. На свадьбу съехались родственники Моррисов из пяти близлежащих штатов, и все с протянутой рукой. Они жаждали денег, словно это была их долгожданная победа. Похоже, они никак не могли понять, что Эби шла под венец не ради них. В Джорджа она влюбилась еще в детстве. Но ни единая душа ей не верила.

Джордж снова заговорил об Амстердаме, когда они подходили к мосту, который парижане называли мостом Неверности. Согласно легенде, если пара не любила по-настоящему, то не могла пройти по нему от начала до конца. Это был последний мост на их маршруте — на той стороне Эби и Джордж издали увидят свою гостиницу. Вообще-то, Эби собиралась повернуть обратно. Ей совершенно не хотелось возвращаться в номер так рано. При этой мысли она улыбнулась — какое там «рано», давно миновала полночь. На самом деле ей просто не хотелось просматривать новую почту. Эби наверняка поджидали письма озабоченной матери, настойчивые просьбы родни, желаю-

щей получить денег взаймы, приглашения от новых знакомых в ночной клуб или на вечеринку, кипевшие злобой послания Мэрили, раздраженной тем, что счастье свалилось не на нее... Иногда родные звонили в гостиницу и просили передать молодым какое-нибудь сообщение, что очень не нравилось хозяину. Мать Эби этого не понимала, как всякая южанка, жизнь которой проходила в бесконечных телефонных разговорах.

Зато в Амстердаме прежняя жизнь достанет их не сразу, на переадресацию писем понадобится время. И несколько недель они смогут прожить спокойно. Это радовало.

Эби с Джорджем поднялись на мост. В тумане один за другим возникали лимонные шары старинных фонарей и по мере приближения светили все ярче, а за спиной свет тускнел и постепенно гас, словно чья-то невидимая рука сначала включала, а потом выключала их.

И вдруг туман зашевелился, обрел форму. Это случилось в темноте между двумя фонарями, когда молодожены достигли середины моста, центральная арка которого напоминала спину испуганной кошки. Перед глазами возникла бледная рука, потом серая ночная рубашка; подол развевался над пенящейся внизу водой. И только оказавшись в шаге от призрака, Эби поняла, что это юная девушка, еще подросток; она стояла на ограждении, и пальчики на босых ногах изогнулись, словно

коготки, впившиеся в холодные и узкие каменные перила.

Эби застыла, потом дернула Джорджа за руку.

— В чем дело? — спросил муж и проследил за ее взглядом. — О боже...

Несколько секунд они не двигались, опасаясь, что даже легкое движение воздуха может подтолкнуть девочку, и та свалится в воду.

Эби приходилось слышать о самоубийцах, бросающихся с моста Неверности из-за несчастной любви. Пустая болтовня, считала она. Да, иным слухам не веришь, пока не увидишь все собственными глазами. Сердце ее болезненно сжалось. Ведь в мире столько счастья — оно разлито в воздухе, оно дается всем и каждому, за него не нужно платить. Эби никогда не понимала, почему некоторые люди, скажем ее родственники, сами отказываются от него.

Девушка была очень красива — молочно-белая кожа, длинные волосы такого глубокого черного цвета, что казалось, все остальное блекнет по сравнению с ними. Она была маленькой и хрупкой. Все француженки казались Эби миниатюрными, изящными, словно птички, — такую ей, увы, никогда не стать.

Незнакомка не оборачивалась. Должно быть, не догадывалась, что рядом кто-то стоит. Эби медленно протянула дрожащую руку. Однако дотянуться не смогла, не хватило нескольких дюймов.

Но разве счастье не сродни электричеству? Разве все мы — не проводники? Девушка не могла не почувствовать, что Эби хочет прикоснуться к ней.

— *S'il vous plaît*, — тихо проговорила она. —
Прошу вас...

Увы, Эби почти ничего больше не знала по-французски. Она изучала этот язык в старших классах в Атланте, как и ее сестра Мэрили. Мать заложила дом, лишь бы устроить Мэрили в престижную Школу для благородных девиц мадам Годдел в надежде, что это поможет дочке поскорее встретить на жизненном пути богатого жениха. Эби отправили туда же — был ничтожный шанс, что на прилежную девицу обратит внимание какой-нибудь учительшка и она выйдет замуж за человека, который хотя бы носит галстук. Сегодня мадам Годдел пришла бы в ужас от того, насколько скуден словарный запас Эби, хотя он был побольше, чем у Мэрили. Эби, по крайней мере, могла спросить по-французски, который час, или заказать стакан вина. А Мэрили стащила как-то у мадам словарь только затем, чтобы заучить любимую фразу «Поцелуй меня, глупенький».

— *S'il vous plaît*, — повторила Эби.

Девушка медленно повернула голову, взгляд ее упал на Эби. Темные, как и волосы, глаза девушки были прекрасны и полны печали. Слезы капали, оставляя на ночной рубашке пятна. Наверное, незнакомке очень холодно в эту осеннюю ночь, про-

пахшую дымом угольных печей, который стелился над землей. Девушка открыла рот, словно хотела что-то сказать, но ни звука не слетело с ее губ. Она нетерпеливо махнула рукой, чтобы Эби с Джорджем шли своей дорогой.

— *S'il vous plaît*, — еще раз пробормотала Эби.

— *Joie de vivre!*¹ — вдруг громко проговорил Джордж.

Это была единственная французская фраза, которую он в первый же вечер заучил в местном баре. Сказать нечто подобное, да еще в такую минуту, было вполне в его духе. Компанейский, открытый, Джордж разбогател совсем недавно и не скрывал этого. Так сказать, нувориш. Ему чужда была усталость от жизни, присущая тем, кто копил деньги годами и так преуспел, что никого в упор не видит. Для таких скопидомов ты находишься где-то внизу, так далеко, что тебя и не разглядеть, тогда как помыслы великого человека витают в высших сферах. Ну а Джордж располагал к себе без всяких усилий. Его искренний смех действовал на людей, подобно виски. Рыжеволосый, краснощекий — кровь с молоком. Глядя на него, каждый невольно чувствовал, что у этого весельчака сердце большое, как сама Вселенная. И кстати говоря, Джордж не имел ничего против родственников Эби. Они с женой вернутся домой, а там будет видно.

¹ Радость жизни! (*фр.*)

Девушка перевела взгляд на Джорджа, живо оценила его и едва заметно улыбнулась. Потом снова посмотрела на вытянутую руку Эби и увидела на пальце обручальное кольцо.

Она кивнула обоим, словно выражая молчаливую признательность, и у Эби отлегло от сердца.

Но потом девушка спокойно повернулась лицом к реке.

И прыгнула.

Часноу нрлар

Глава 1

*Атланта, Джорджия
Настоящее время*

Проснись, Кейт!
И ровно через год после того, как Кейт погрузилась в забытье, она очнулась.

Ее голова лежала на подушке. Кейт медленно открыла глаза и увидела, что на руке у нее сидит мотылек. Его крылышки отливали бледным оттенком лаванды. Кейт смотрела на мотылька и гадала, настоящий он или нет. Он напомнил ей о любимой футболке мужа Мэтта, которую она, не в силах выбросить, спрятала в сумку с шитьем. Спреди на футболке красовалось большое выцветшее изображение мотылька, логотип кавер-группы¹ из Афин под названием «Мотболлз»².

Футболка и мотылек всегда будили воспоминания о собственных странностях в детстве. Спе-

¹ *Кавер-группа* — музыкальная группа, исполняющая песни других авторов.

² «*Мотболлз*» (англ. Mothballs) — нафталиновые или камфорные шарики, средство против моли.

циальными маркерами она рисовала на руках бабочек в виде татуировки. Давала им имена, разговаривала с ними, тщательно обновляла цвет, едва они начинали блекнуть. И верила: когда придет время, бабочкам захочется вырваться на свободу, она дунет — и они оживут, отлепятся от руки и улетят.

Кейт всегда отличалась от других детей, она была девочкой со странностями: ее сверстники давно переросли подобные забавы, а она все продолжала играть с воображаемыми друзьями. Люди говорили: «Беззаботное дитя» — и утешали родителей, что это пройдет, как детская картавость. Впрочем, родители ни в чем не ограничивали свою дочь. Они всегда предоставляли ей полную свободу.

Кейт захотелось подуть на мотылька — интересно, что из этого выйдет? — но она не успела: в спальню вошла свекровь с чашкой кофе и бодро пожелала ей доброго утра. А когда Кейт снова посмотрела на руку, мотылька уже не было. Она села в постели, а Крикет¹ — так звали свекровь — раздвинула шторы.

— Сегодня у нас важный день. Приезжают новые жильцы.

Кейт слегка испугалась, словно отгоняя ночной кошмар, который не совсем стерся из памяти:

— Жильцы?

¹ Сверчок (англ.).

Крикет щелкнула пальцами перед лицом Кейт и подала ей чашку:

— Да, жильцы. А ты переселяешься в мой дом. Вчера вечером ты не принимала на ночь снотворного?

Значит, не приснилось. Все случилось на самом деле. Она посмотрела на левую сторону кровати. Мэтта там не было. Она могла поклясться, что слышала его голос — или чей?

— Нет. Я ничего никогда не принимаю. Вы же знаете.

— Сегодня ты какая-то странная, — сказала Крикет. — Хорошо, что я пораньше пришла. Девин я уже подняла, одела и накормила завтраком.

— Девин встала? Сегодня ведь первый день летних каникул, — удивилась Кейт. — На каникулах она никогда не встает так рано.

— Думаю, лучше соблюдать распорядок дня. Осенью будет легче привыкать к школе — или я не права? Она на чердаке. Ты уж пригляди за ней, ладно?

Кейт неожиданно бросило в жар. Ее охватило очень необычное ощущение, словно она лизнула куркуму или шафран после того, как целый год ела пудинг. И теперь на языке и в горле неприятно жгло.

Она была раздражена.

Теперь Кейт проснулась окончательно и разозлилась. Конечно же, она присмотрит за Девин.

Целый год она готовила для нее обеда и посещала школьные спектакли, сопровождала на экскурсиях и водила к окулисту. Ходила как сомнамбула, но прилежно выполняла материнские обязанности. У Крикет нет ни малейшего повода не доверять Кейт. Она способна позаботиться о своем ребенке.

За редким исключением.

В жизни всегда бывают исключения, в том числе редкие.

— Там такой беспорядок, — сказала Крикет.

Свекровь, одетая в элегантный костюм, стучала по спальне каблучками лабутенов. Из тщательно уложенной прически не выбивался ни единый волосок — такая у южанок манера. Она проверила шкаф, убедилась, что Кейт собрала вещи.

— Кажется, я говорила, можешь взять что захочешь на чердаке и сложить в гостиной. Иначе все останется новым владельцам. Но Девин не разрешай брать с собой старые тряпки, так будет лучше. А то осенью не заставишь ее избавиться от них. Кстати, утром я нашла ее школьную форму в мусорном баке!

Кейт поставила чашку на пол рядом с кроватью. Целый год Крикет, проводив Девин в новую школу, заходила к невестке в комнату и приносила ужасный кофе, черный как смола. Кейт терпеть его не могла. И пить больше не желала. Казалось бы, что может быть проще — отставь чашку и не

пей! Крикет проследила за ней взглядом, и впервые за год сомнамбулической жизни Кейт охватил легкий трепет протеста.

— Я всегда разрешала ей летом носить что хочет.

— Мы с тобой прекрасно знаем, милочка, что это нехорошо, особенно теперь, когда она будет жить в моем доме.

— И Мэтт со мной соглашался, — сказала Кейт. Это имя вдруг показалось ей непривычным. Оно стало чужим, звучало чудовищно, как ругательство.

Услышав имя сына, Крикет отвернулась. Говорить о нем она не любила. Никогда и ни с кем. Его образ она хранила в сердце, заперла внутри грудной клетки и не желала ни с кем делиться своим горем. Даже с Кейт, которой хотелось найти в матери Мэтта хоть крупицу любви к нему, чтобы немного утешиться.

— Сколько лет ты позволяла ей безнаказанно делать все, что она хочет? Ты встаешь, наконец? Новые жильцы приедут в полдень. Я, наверное, уйду с работы около трех. Я бы пришла помочь, но сегодня у нас завершение большой сделки. Днем жду вас у себя. Все должно пройти гладко. Список я составила. Да ты встаешь или нет?

Кейт медленно, осторожно поднялась, словно боялась потерять равновесие. Странное ощущение. Ноги еле держат.

Крикет остановилась в дверях, обернулась и пристально посмотрела на Кейт. Она понятия не имела, о чем свекровь сейчас думает. Никогда не понимала ее. Мысли Крикет не поддавались прочтению, словно давно забытый язык.

— Должно быть, очень хочется поскорее приступить к работе? Завтра подстрижем тебя как следует. Надеюсь, ты не против?

Кейт подняла руку и потрогала неровные, отросшие за год пряди.

Прошел ровно год с тех пор, как после похорон Мэтта Кейт закрылась в ванной и взяла в руки ножницы. Она смотрела на нержавеющей сталь лезвий, сверкающих в ярком полуденном свете, и в голову ей приходили самые разные мысли. Она и представить прежде не могла, что способна думать о таком. Это были мысли черные, непростительные. Потом Кейт поднесла ножницы к голове и все свое горе, все отчаяние выместила на длинных каштановых волосах. С каждым щелчком ножниц локоны падали на пол и превращались в крохотных птиц, которые, сбившись в плотную стаю, летали вокруг и каркали, каркали...

Мэтт любил ее волосы, густые и длинные, она нарочно отпустила их для него. Кейт с нетерпением ждала минуты, когда к ней в магазин, где она занималась бухгалтерией, забегал Мэтт и вынимал карандаш, поддерживающий прическу, чтобы полюбоваться на водопад волос, закрывающих

спину и плечи. Еще ему нравилось, чтобы в постели она была сверху и волосы ее падали на него и липли к мокрой от пота коже.

Через несколько часов Крикет нашла ее лежащей на полу в ванной. От изумления свекровь опустилась на колени, и Кейт заплакала, обняв ее так крепко, что наверняка остались синяки. Крикет обработала порезы на голове Кейт и как могла подравнила ей волосы, чтобы не перепугать Девин. Внучке она в двух словах пояснила, что маме сейчас нужна именно такая прическа, за ней, мол, легче ухаживать.

Это был последний день, когда Кейт что-то чувствовала.

Так продолжалось вплоть до сегодняшнего.

Крикет ждала ответа.

— Да, — сказала Кейт. — Спасибо, Крикет. Спасибо за все.

— Что ж, до скорой встречи. У меня большие планы, нам с тобой есть о чем поговорить.

Свекровь повернулась и вышла.

Кейт слушала, как стучат ее каблучки по коридору.

Скрипнула, открываясь, дверь. Захлопнулась.

Заворчал двигатель автомобиля. Крикет уехала.

Кейт поспешила прочь из комнаты, пытаясь стряхнуть оцепенение и избавиться от ощущения потери ориентации в пространстве. «Боже мой, — подумала она, — это все происходит на самом де-

ле». Она устремилась в конец коридора, где был чулан и стояла наготове складная стремянка.

Кейт поднялась на чердак, освещенный единственным окном. Пылинки летали вокруг, словно пепел. Ее восьмилетняя дочь что-то мурлыкала под нос, роясь в набитом хламом большом черном сундуке со ржавыми петлями. На крышке виднелись выцветшие от времени печатные буквы: «Мэрили».

За тот год, что Кейт пребывала в состоянии бесчувствия, Девин успела подрасти, и только сейчас мать как следует это разглядела. Личико округлилось, ноги стали длиннее. Кейт хотелось подбежать к ней, обнять, но она поостереглась: еще подумает, что мама сошла с ума. Они же виделись вчера вечером, когда она укладывала дочку спать. Для Кейт целого года как не бывало, но ведь Девин не догадывалась, что мать все это время провела в спячке.

Так что Кейт просто стояла и любовалась дочерью. Девин — удивительная девочка, уникальная! Кейт в жизни таких детей не видела. С первой минуты рождения в ней чувствовалась индивидуальность. Она была особенной, не походила ни на кого другого. И ничегошеньки не взяла от родни. У Мэтта в семье все гордились иссиня-черными волосами, ослепительно сияющими на солнце. Жгучие брюнеты рождались из поколения в поколение, и их роскошная шевелюра часто была предметом зависти окружающих. Кейт унаследовала

ген, который придавал глазам оттенок яркой зелени. Последняя дурнушка с такими глазами превращалась в писаную красавицу. И вот вам Девин: волосы мягкие, цвета спелой ржи, а глаза голубые. Правда, левый глаз видел плохо. Когда девочке исполнилось три года, врач прописал ей глазную повязку. И ей это очень нравилось. И еще ей нравились ее вечно спутанные золотистые волосы. Она любила ленточки в горошек, носила юбки, коротенькие, как балетные пачки, розовые с зеленым носочки и оранжевые туфли из лакированной кожи. Девин мало обращала внимания на то, что о ней думают люди.

И это всегда бесило Крикет.

Как Кейт допустила такое? Как могла позволить, чтобы ее дочку воспитывал человек, стремящийся переkreпить по-своему ее удивительный характер? Уничтожить в ней то, что было присуще самой Кейт и чем она всегда гордилась? Кейт проглотила ком в горле и почувствовала, что теперь может говорить.

— Привет, детка. Чем занимаешься?

Девин с улыбкой обернулась:

— Mamочка! Погляди, вот это мое самое любимое.

Она вытащила из сундука выцветшее розовое платье с красным поясом. Нижняя юбка из плотной ткани была такая старая и жесткая, что потрескивала под руками, как четки или дрова в камине.

Девин натянула платье через голову поверх одежды. Подол коснулся пола.

— Подрасту — будет как раз, стану носить его с фиолетовыми туфельками, — сказала она.

— Смело, — отозвалась Кейт, а Девин снова нырнула в сундук.

Чердак в доме матери Кейт всегда восхищал Девин, она подозревала, что там таятся несметные сокровища. Когда бабушка была жива, она позволяла Девин есть шоколадные батончики, пить газировку с виноградным сиропом, а также залезать в старый сундук, полный самых разных платьев, которые когда-то надевали женщины из рода Моррис, чтобы вскружить голову богатому мужчине и выскочить за него замуж. Этот богатый гардероб в основном принадлежал бабушке Кейт, Мэрили, известной красавице, которая, как, впрочем, и все остальные, взяла да и влюбилась в бедняка.

— А кто такая Эби Пим? — вдруг спросила Девин.

— Эби?

Кейт направилась к сундуку, стараясь шагать размеренно и спокойно, чтобы не выдать волнения. А Девин опять полезла внутрь. Сундук был очень большим, и снаружи торчала только зеленая шляпка, украшенная ярким пером. Когда девочка поворачивала или наклоняла голову, перо выписывало в воздухе невидимые письмена. Кейт уселась возле сундука на пол как можно ближе.